

Супник от всех бед

РЕНАТА

ВЕЛЬШ

Рената Вельш

Супчик от всех бед

ИД "КомпасГид"

2011

УДК 821.112.2-053.6
ББК 84(4Авс)-44

Вельш Р.

Супчик от всех бед / Р. Вельш — ИД "КомпасГид", 2011

ISBN 978-5-00083-710-8

Мама работает. С утра до ночи. Но всё равно десятилетняя Юлия не может ни на праздник спортивный поехать в соседний город, ни подарок достойный на день рождения однокласснице купить, потому что денег вечно не хватает. Да и дружба ни с кем не складывается – ну а как дружить, если ты ни в кафе после уроков посидеть не можешь, ни в интернете пообщаться? Дома нет даже ноутбука! Однажды в классе появляется Лейла, в ее жизни тоже много сложностей – она и немецкий толком не знает, записывает незнакомые слова в маленькую книжечку. Но Лейла улыбается и не унывает, и почему-то Юлии становится с ней очень легко, а языковой барьер, вопреки всему, помогает объяснить то, для чего нужны слова никак не находились.

И тогда вдруг оказывается, что ее слышат и что поддержка не измеряется купюрами и монетами. А дружба не заводится в чатах и кафе. Она возникает постепенно – из общих тренировок и объяснений простейших вещей, из душевных разговоров и вовремя пойманного взгляда. А иногда – даже из сваренного бабушкой супчика. Он лучше всяких слов дарит любовь и заботу. Австрийская писательница Рената Вельш (родилась в 1937 году) считается классиком современной детской литературы. Она получила множество престижных наград, в том числе Немецкую молодежную литературную премию и – многократно – Австрийскую государственную премию по детской и юношеской литературе. И это понятно. Похоже, Рената Вельш знает о детях всё, и даже больше того – знает всё о мамах и бабушках, которые в «Супчике от всех бед» ничуть не менее важны, чем младшие герои. Роман получился лёгким и вдохновляющим – и кому-то из читателей среднего и старшего школьного возраста он наверняка раскроет несколько бесценных жизненных истин.

УДК 821.112.2-053.6

ББК 84(4Авс)-44

ISBN 978-5-00083-710-8

© Вельш Р., 2011

© ИД "КомпасГид", 2011

Рената Вельш

Супчик от всех бед

Renate Welsh: Dr. Chicken Soup © Wien G&G Verlagsgesellschaft mbH, 2011

© Горбова А.А., перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

* * *

– Мам, мне нужно два евро.

– Опять? На что?

– В школе сказали принести. К нам придет какая-то тетенька, будет что-то читать...

– Зачем? Вы что, сами читать не умеете?

– Конечно, умеем! Но два евро сдать нужно. И вообще – я опаздываю.

– У меня денег нет.

Мама отвернулась. Юлия поплелась за ней в ванную.

– Мам, учительница просила...

Сквозь пену зубной пасты мама прошепелявила:

– Я же шкажала: жeneg нет...

Когда она сплевывала пену, маленький белый пузырек приземлился ей на блузку. Мама попыталась его смахнуть, но только размазала. Получилось пятно.

– Ну вот! Теперь и я опаздываю!

Юлия схватила рюкзак и, не прощаясь, выскочила на лестницу. Дверь за ее спиной захлопнулась, лязгнул замок.

Черт!

Фрау Крониг, старавшаяся впихнуть пакет с мусором в переполненный бак, услышав шаги, обернулась и поглядела на Юлию.

– Ты как будто сегодня не в духе?

– Мне два евро в школе нужно сдать, а у мамы мелочи нет...

– Главное, что у нее деньги покрупнее есть, – и фрау Крониг сунула руку в карман передника.

Юлия с облегчением поблагодарила соседку и пообещала:

– Я завтра верну.

Фрау Крониг кивнула.

– Ладно-ладно. Поторапливайся, а то без десяти уже!

Юлия бежала всю дорогу до школы, на лестнице обогнала учительницу и в классе еще долго не могла отдышаться. Откуда же взять два евро к завтрашнему дню?

Учительница стала собирать деньги. Тим поднял руку:

– Я дома забыл.

Наверное, правда забыл: для его-то мамы два евро точно не проблема.

– Понятно... Тим у нас как всегда. Хорошо еще, что голова у тебя к плечам приделана, а то бы ты и ее дома оставил.

– Это у нас семейное, – усмехнулся Тим. Он может такое себе позволить. Стоит ему ухмыльнуться, в улыбке расплывается даже завхоз. Никому и в голову не приходит сказать Тиму: «Ну-ка убери эту дурную улыбочку!» А всё потому, что он такой хорошенький нахаленок с красивыми темными кудрями...

Мама вернулась домой только к вечеру. Взгляд Юлии случайно упал на ее ногти: синий лак с белыми цветочками.

– Что ты так на меня уставилась?

В ушах зашумело, в животе закопошилась злоба. Юлия молчала.

«У меня денег нет», – говорила мама утром. А на цветочки на ногтях откуда-то нашлись!»

Мама обеими руками оперлась о стол. В лаке на ногтях заиграл свет.

– Послушай-ка меня... Я перед тобой отчитываться не обязана. Ясно?

Кухня медленно закружилась. Юлия повернула голову, мамино отражение в кране над раковиной стало расплываться.

– Долго мне ждать ответа?

Но разве могла Юлия ответить? Казалось, стоит раскрыть рот, из него хлынет жуткий поток – она боялась саму себя.

Мама поджала губы.

Она сказала, что вообще-то не собиралась делать маникюр, это как-то случайно вышло. В конце концов, есть же у нее право иногда немножко побаловать себя или нет? Ведь когда сидишь на кассе, все смотрят тебе на руки, так что сидеть там с обломанными ногтями – просто невыносимо.

– Знаешь, когда я в последний раз себе хотя бы футболку новую покупала?

Мама зашагала по комнате, а потом вдруг резко остановилась, взяла Юлию за плечи и слегка встряхнула:

– Это ужасно несправедливо!

– Ты сказала, у тебя нет денег, – прошептала Юлия.

– Господи боже мой! Это ж не значит, что нет ни цента! Просто выражение такое!

– Да.

Ноздри у Юлии затрепетали. Выражение. Это что, еще одно название для вранья? Говоришь одно, а имеешь в виду совсем другое.

– Нечего мне так дакать!

Юлия кивнула. Мама шагнула к окну, побарабанила по стеклу – звук получился как от града. Потом вдруг снова подошла к Юлии, прижала ее к себе и тут же опять отвернулась, стала собирать крошки со стола.

– Тебя в школе из-за денег ругали?

– Мне фрау Крониг два евро одолжила.

– Ты что, попрошайничала?

– Вовсе я не попрошайничала... Она спросила, что случилось, я сказала, что у тебя мелочи нет. Тогда она дала мне два евро, а я обещала завтра вернуть.

Мама засмеялась было, но смех тут же замер.

– И откуда ты думала взять эти деньги?

– Не знаю.

Мама порылась в сумке, выудила оттуда кошелек и отсчитала Юлии в руку два евро мелкими монетками.

– Просто момент неподходящий, тем более с утра. Утро вообще не лучшее для меня время.

– Вечером я об этом не подумала, – ответила Юлия.

Они уютно сидели перед телевизором, когда задребезжал звонок.

На пороге стояла бабушка.

– Ты почему трубку не берешь? – вместо приветствия спросила она.

– Потому что деньги на телефоне закончились.

– Я же совсем недавно тебе карточку для оплаты приносила, – нахмурилась бабушка. – Я уж подумала, у вас тут бог знает что стряслось!

– Недель шесть назад, не меньше, – попыталась оправдаться мама.

– Ну ты бы хоть сказала!

Бабушка сняла пальто, аккуратно повесила его на вешалку и разгладила складки руками.

– Тебе чай или кофе? – спросила мама.

Бабушка выбрала чай – «только, пожалуйста, не такой крепкий, как в прошлый раз». Мама достала покупной пирог. Ноздри у бабушки сузились.

– Просто понять не могу, почему ты не печешь сама! Это вполупину дешевле выходит, и точно знаешь, что там внутри. Я за всю жизнь ни одного пирога не купила! Всегда сама пекла – даже когда сменами работала.

Мама молчала, закусив нижнюю губу. Бабушка со вздохом опустилась в синее кресло и начала допрашивать Юлию об успехах в школе.

– Если не будешь расслабляться, окончишь школу с хорошими оценками. И в университет поступишь. А то ты ж видишь, что получается, если не учиться как следует...

Мама грохнула чашкой о стол.

– О нем-то ничего не слышно?

«Он» – это отец Юлии. По имени бабушка его теперь не называла. Всегда говорила просто «он» или «этот бездарь», а в моменты особого раздражения – «мошенник».

– Нет.

– Ну да, вот бы сюрприз был! – Бабушка предостерегающе подняла палец. – Вот что я тебе скажу: если ты ему еще хоть копейку дашь, я сюда больше ни ногой.

Мама сжала губы так сильно, что их стало почти не видно. Бабушка никак не могла простить маме, что та отдала отцу Юлии сберкнижку, когда он основал фирму. Сберкнижку, на которую бабушка месяц за месяцем откладывала деньги, еще с тех пор как мама была маленькой девочкой. И того, что мама выступила его поручителем незадолго до краха фирмы. В том, как бабушка произносила слово «фирма» с раскатистым «р», сквозило презрение. «Быть милой дурочкой, конечно, не запретишь, но творить такое – это уже преступление, будь ты хоть по уши влюблена», – говорила она в заключение всякий раз, когда речь заходила о «нем».

– Вообще непонятно, как в тебя одну столько дурости вмещается, – с нажимом сказала бабушка и на этот раз. – Ты посидеешь и сморщишься прежде, чем с его долгами рассчитаться. А он тем временем с какой-нибудь мымрой припеваючи живет.

Кончики пальцев у мамы побелели от напряжения:

– С чего ты взяла?

Бабушка в ответ только покачала головой. Потом потребовала мерную ленту. Щеки у нее подрагивали, пока мама в поисках ленты шарила по всем ящикам. В конце концов бабушка взяла кусок бечевки и измерила им длину руки Юлии. Наверняка снова свяжет один из тех свитеров, которые после первой же стирки растягиваются во все стороны и противно болтаются

на запястьях. А Юлии хотелось бы свитер, как у Клары, белый и пушистый. Но «ты же знаешь, белый цвет – ужасно непрактично, а такая пушистая шерсть тут же скатается».

Бабушка заговорила о своей новой соседке: «И двадцати нет девушке, а какая умница!» Она всю одежду шьет себе сама и умудряется на крошечном кухонном балкончике вырастить столько овощей, что часть даже раздает соседям.

– Ну а я вот не такая расчудесная, – буркнула мама.

– Зато обижаться горазда, – покачала головой бабушка. – Подумать только, как раньше жили... Я о такой жизни, как у вас, даже мечтать не смела. Я радовалась – по-настоящему, от души, – если мне платья или туфли от теток по наследству доставались.

– Когда они умирали, что ли? – спросила Юлия.

– Не мели чепуху! Просто так говорят.

Еще одно «выражение». Уголки губ у мамы дрогнули. Иногда Юлия начинала подозревать, что мама умеет читать мысли, и тогда старалась думать потише или – лучше – не думать вовсе.

– А к нам сегодня в школу приходила писательница, читала свои книги.

– В мое время ребята в школе читали сами, – отозвалась бабушка, пожимая плечами. – А если ошибешься, всё предложение десять раз заставляли переписывать. Нынче школа – сплошной детский сад.

– Ну да, и работа по дому – игрушки, я уже слышала, – мама разглядывала свои руки.

Бабушка, опершись на подлокотники кресла, встала.

– По крайней мере, красить ногти нам в голову не приходило.

Она двинулась к двери, уже у порога достала кошелек и положила бумажку в десять евро на полку под зеркалом.

– Это тебе за телефон заплатить.

Наверное, калитка во дворе закрылась за бабушкиной спиной прежде, чем мама сказала спасибо. Почему им вечно нужно ссориться?

Вообще-то легче было это переносить, когда они прямо упрекали друг друга. Чем мама виновата в том, что бабушка всю жизнь много и тяжело работала? С другой стороны, мама почему-то сразу выходит из себя, стоит бабушке начать рассказывать, как она в день стирки вставала в три часа утра, разжигала огонь под большим котлом в подвале, как в кровь стирала руки о стиральную доску, как полоскала в ледяной воде и как тяжело было затаскивать корзину с мокрым бельем на чердак, чтобы там всё развесить.

– У других в нашей деревне тогда уже были стиральные машины, но мы о такой роскоши и мечтать не могли, – говорила бабушка. Юлия представляла себе, как бабушка в клубах плывущего по подвалу пара мешает содержимое котла огромной деревянной ложкой. – Взять все простыни, которые я в жизни перестирала, – дважды вокруг Земли обернуть хватит, – любила повторять бабушка. То же можно было сказать и о приготовленных ею клецках, израсходованных клубках шерсти и начищенных ботинках. Юлия, когда была маленькой, представляла себе, как бабушка оборачивает Землю простынями, обматывает шерстяными нитками, раскладывает рядочком клецки и расставляет ботинки. Бабушка представлялась ей большой, а мир – маленьким, и всё в нем было в порядке. Маму каждая бабушкина история колола острой шпилькой, словно это она была виновата во всех ее мытарствах. Но если бабушка пару дней не появлялась, мама начинала беспокоиться, то и дело вертела в руках телефон, но всё-таки не звонила. Странные они – обе.

Мама снова сидела перед телевизором и пристально вглядывалась в темный экран. Юлия взяла пульт у нее из рук и не глядя нажала на кнопку.

Над свалкой поднимается желтоватый дым, босоногие дети шныряют вокруг, собирают пластик. За забором кто-то поставил пару жердей и сделал навес из заплатанного брезента – это школа.

– Потрясающе, – сказала мама и отвернулась. – Им стоит прилежно учиться, тогда они смогут читать, что написано на пакетах.

– Может, тогда у них будет работа получше, – отозвалась Юлия.

Мама засмеялась. Смех ее звучал невесело.

* * *

Проснувшись Юлия с каким-то смутным и неприятным ощущением в животе, но только уже по дороге в школу сообразила, откуда оно взялось. Сегодня опять чертов день рождения! Иде исполняется десять. Она, конечно, принесет потрясающий торт, испеченный собственноручно ее мамой и мастерски, словно опытным кондитером, украшенный – наверняка марципановой гитарой: Ида пару недель назад победила в музыкальном конкурсе. Все будут пищать от восхищения, учительница сфотографирует торт с десятью лучшими подружками Иды вокруг, а на всех переменах только и разговоров будет, что о предстоящем празднике. В первом классе Юлию на дни рождения еще приглашали, теперь, понятное дело, больше нет. Всё просто: кто приглашает сам, того и другие приглашают. Конечно, некоторые зовут весь класс, ну почти весь, но дни рождения Иды – это всегда что-то особенное.

Например, в прошлом году Ида со своими гостями ходила в цирк, а потом они пили сок вместе с клоуном, и он учил их жонглировать. А на следующий день всем – и кто хотел, и кто нет – показывали фотографии и в мельчайших подробностях рассказывали, как всё было. А какое Юлии дело, пили они свежавыжатый гранатовый сок или неосветленный грушевый и сильно ли удивлялся клоун ловкости Иды? У нее ведь с первого раза получилось жонглировать тремя шариками! На следующий день в школе Ида со скромной улыбкой демонстрировала свое новое умение.

«Мне всё равно туда не хочется, – говорила себе Юлия. – Ида будет один за другим распаковывать подарки у всех на глазах, а гости будут стоять вокруг, хлопать, ахать и охать. Было бы чему удивляться! Даже хорошо, что я туда не иду. Мне все эти дни рождения даром не нужны. И одноклассники – тоже».

На торте действительно красовалась гитара, только на этот раз не вылепленная Идиной мамой, а в виде фотографии на тонкой марципановой пластинке: Ида в красном платье, в котором она выступала на конкурсе. Юлия быстро взглянула на всё это и стала ошипывать сухие листочки с папоротника на подоконнике.

– Я бы и тебя с радостью пригласила, – сказала ей Ида в гардеробе, – но, к сожалению, всех позвать нельзя.

– Понятное дело.

– Ты не обижаешься?

– Я? Нет, конечно! Я бы сегодня всё равно не смогла пойти.

– Мы в оперу идем, – Ида сделала рукой жест, как будто собиралась дирижировать оркестром.

– Я оперу не очень-то люблю, – сообщила Юлия.

Зависть – грех. Даже смертный. Впрочем, ложь – тоже. «Помилуй, Боже, я крал, и врал, и даже кошку за хвост хватал». Откуда всплыла эта чушь? Впрочем, всё равно.

По дороге домой она нашла монетку в десять центов. Отлично! Дальше Юлия шла, внимательно смотря под ноги, но больше монеток не было – только противные окурки и мятые бумажные стаканчики.

Дверь у фрау Крониг была приоткрыта.

– Юлия, это ты там? – послышалось из квартиры. – У меня сегодня суп-гуляш!

Это Юлия и так уже поняла по запаху.

Фрау Крониг взяла ее за руку и потянула за собой на кухню.

– Куртку можешь положить на угольный ящик.

В этом ящике уже давно не было ни крупинки угля. Снаружи он был обклеен газетами, а внутри лежали полиэтиленовые пакеты, пустые банки из-под варенья, смотанные в клубочки остатки бечевки и шпагата, тоненькие резинки в баночке от крема, уже использованная подорожная бумага, несколько обувных коробок с маленькими и совсем крошечными коробочками, сапожными щетками и кремами, стопка чистых глаженных тряпочек и ящик с инструментами покойного мужа фрау Крониг.

– Ты просто не представляешь, сколько можно сэкономить, если ничего не выкидывать, – часто говорила фрау Крониг. – Но нужно, конечно, держать всё добро в порядке, иначе, когда надо, ничего не найдешь, а когда не надо, будешь вечно спотыкаться.

На стене над угольным ящиком висел белоснежный платок, на котором вышитая синими нитками парочка голландцев в деревянных башмаках танцевала перед мельницей.

Фрау Крониг налила две тарелки супа и села напротив Юлии. От еды шел приятный аромат. В кухне было тепло. Из клетки на серванте раздавался трескучий голос волнистого попугайчика:

– Ханси хор-р-роший, Ханси хор-р-роший, кр-р-расавец!

– Вот мы доедим, и я тебя выпущу полетать, – сказала фрау Крониг. – Твоих приправ нам в супе не нужно – там и так перца достаточно.

– Ханси хор-р-роший!

– Как насчет блинчика на десерт? – предложила фрау Крониг, когда с супом было покончено.

Вообще-то Юлия уже наелась, но блинчики у фрау Крониг были такие тоненькие, такие золотистые, с такими симпатичными коричневыми пятнышками, с начинкой из лучшего абрикосового варенья в Вене – короче говоря, совершенно чудесные. Врач запретил фрау Крониг есть сладкое и жирное. Но она всегда говорила, что ее утешает, когда сладкие блюда можно хотя бы понюхать.

Конечно, на тарелке у Юлии оказался не один, а два блинчика, и Ханси стал носиться по клетке, замахал крыльями и закричал.

– Ты прекрасно знаешь, что сладкое для тебя – яд, – сказала фрау Крониг и погрозила попугайчику пальцем.

– Ханси хор-р-роший!

– Ну, конечно, самый лучший на свете!

Как только Юлия отправила в рот последний кусочек, фрау Крониг открыла клетку. Ханси вылетел пулей, опустился на тарелку и тут же недовольно заверещал.

– Не повезло, дружок!

Ханси перелетел на голову хозяйке и принялся вытаскивать прядки из ее завязанных в узел волос.

– Сейчас запру тебя обратно, – пригрозила фрау Крониг, а потом поинтересовалась, как у Юлии прошел день в школе. Ей можно было об этом спрашивать: она действительно слушала и не начинала тут же давать советы. Юлии нравилось, когда фрау Крониг рассказывала что-нибудь о своих школьных годах. Например, о том, что в деревне, где она выросла, в последний год войны и несколько лет после ее окончания каждый ученик должен был приносить в школу полено.

– Лесник разрешил нам с братьями и сестрами собирать в лесу валежник. Он, конечно, был весь сырой и в печке ужасно дымил, поэтому от нас всегда пахло так, будто мы из копильни вышли. Дед говорил, что, стоит нам войти в комнату, у него сразу просыпается аппетит, и мой маленький брат начинал ужасно верещать, думая, что дед хочет его съесть. А наш дед был добрейшей души человек, он даже чай всегда пил без сахара – всё сладкое нам отдавал. «Открой рот, закрой глаза», – говорил он и сыпал мне сахар на язык. Бабушка всегда на это ругалась, говорила, что он нас слишком балует. Мы жевали семена травки, кукушкиных слезок, и высасывали сок из цветков клевера, но есть от этого меньше не хотелось. Тогда все голодные ходили, ну или почти все – есть ведь и такие, кто всегда устроится. А сегодня вон, хорошие продукты люди выбрасывают – это настоящий грех.

Стоило фрау Крониг начать, она говорила до тех пор, пока хватало воздуха или Ханси не начинал безобразничать. От Юлии требовалось только время от времени кивать или говорить «Ну надо же...».

– Сегодня в булочной мне женщина рассказала, что одна супружеская пара проникла на склад отходов в супермаркете, где испорченные продукты хранят. Эти люди хотели набрать там овощей из мусорных контейнеров, потому что им больше нечем кормить своих четверых детей. И это посреди Вены! Представь себе, на них донесли в полицию. Просто уму непостижимо! А что же им было делать? Оставить детей голодать? – Фрау Крониг так энергично затрясла головой, что у нее из прически вылетели две шпильки и звякнули о кафель пола. Ханси взлетел с резким криком – он испугался и спрятался в клетку. – Но больше всего меня разозлила такая вся расфуфыренная мадам, которая эдак язвительно сказала, что Австрия вообще-то социальное государство, и этим людям следовало просто обратиться в соответствующие службы, им бы там помогли, и не нужно было бы грабить никакой склад. Во-первых, не каждый разберется во всех этих учреждениях и службах, а во-вторых, эта мадам наверняка не знает, каково это – быть просителем и ждать подаяния. Просто многих людей, стоит им сесть за стол в учреждении, так и начинает распирать от чувства собственной важности. Это можно и по-другому назвать, но тогда еще скажут, что я тут тебя плохим словам учу, поэтому назовем так. А есть даже такие, кому без приправы из чужих голодных взглядов бутерброд с колбасой в глотку не лезет... За таких людей нам должно быть стыдно, потому что сами-то они не устыдятся. Никогда в жизни.

Фрау Крониг поднялась и начала мыть посуду, а Юлия стала вытирать. Ханси принялся раскидывать конопляные зернышки вокруг клетки.

– Так, – с напором сказала фрау Крониг, ставя тарелки обратно в сервант. – У тебя наверняка есть дела поинтереснее, чем слушать старушечью болтовню, а мне нужно к врачу за рецептом. Маме привет передавай.

Как хорошо, подумала Юлия, отпирая дверь своей квартиры, что фрау Крониг живет рядом. Если бы соседей можно было выбирать, она бы обязательно ее выбрала.

Сев за стол, Юлия начала что-то чирикать на бумажке, совершенно не задумываясь. Через некоторое время она обнаружила, что рисует портрет фрау Крониг, и пририсовала ей корону вокруг собранных в кичку волос, сверху на нее повесила развевающуюся фату, заштриховала королевскую мантию, которая закрывала ее кривоватые ноги, и дала скипетр в правую руку. Но что-то как будто мешало, пока Юлия не превратила скипетр в блинную сковородку, а королевскую мантию не прикрыла ярко-зеленым передником. Вот теперь она была довольна рисунком.

Увлечшись рисованием, Юлия даже не заметила, как скрипнула дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.